

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертационное исследование
Даниловой Елены Николаевны
«Этнологическая экспертиза в теории и практике
современной российской науки»,
представленное на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография

Работа Елены Николаевны Даниловой «Этнологическая экспертиза в теории и практике современной российской науки» ориентирована на решение комплекса проблем, связанных с современным состоянием профессионального (этнологического) знания и его применением в общественной практике. Собственно, уже выбор этой темы логически ведет к констатации факта чрезвычайной актуальности исследования, как, впрочем, и к столь же очевидной сложности решения поставленных в диссертации задач.

Автор обращается к этнологической экспертизе как одной из наиболее важных сфер практического применения этнологических знаний. Елена Николаевна справедливо констатирует существование обширного диапазона взглядов на практики этнологической экспертизы и многочисленных подходов к ее реализации, что говорит о ситуации научно-практического поиска. Эта ситуация, с одной стороны, характеризуется отсутствием четких целей, ясной терминологии, точных определений, которые так необходимы в нормативной этике, с другой — разнообразным опытом экспертных оценок и исследований, потенциал которых может стать основой дальнейшего развития этнологической экспертизы в России.

Цели и задачи диссертационной работы четко обозначены во введении. На основе комплексного анализа ряда этнологических экспертиз автором предпринято выявление и систематизация методов и технологий быстрого научного реагирования на проблемные ситуации, несущие в себе риски для этнических сообществ. В фокусе исследования находится разработка сводного алгоритма этнологической экспертизы для ее дальнейшего использования и совершенствования. В качестве основного *объекта* изучения выступают, таким образом, публикации прикладных этнологических исследований (экспертиз), проведенных на Российском Севере, Сибири и Дальнем Востоке в постсоветский период. *Предметом* исследования стали «источники, методы, сценарии, действующие лица этнологических экспертиз от заказа до исполнения, от замысла до реализации».

Актуальность и практическая значимость. Очевидно, что исследовательская стратегия диссертационного исследования, направленная в своих конкретных проявлениях на «поиск продуктивных форм взаимодействия местных сообществ и администрации; определения действенных стратегий сохранения этнокультурного наследия; разрешения конфликтных ситуаций, возникающих между коренными народами и промышленными компаниями» и пр. имеет практическую направленность и чрезвычайно актуальна для этнологи / социально-культурной антропологии.

Можно сказать, что все эти вопросы находятся не только на «на острие» нашей науки. Они волнуют как этнологов / антропологов, так и более широкие категории населения, являющиеся потенциальными участниками экспертиз. Актуальность и практическая значимость исследования обусловлена, в частности, активным общественно-политическим движением по законодательному оформлению этнологической экспертизы, которое, как известно, все еще находится в незавершенной стадии.

Методология и методы. Актуализирована «злостью дня» и методология исследования в русле «новой этнографии». Для последней характерен «интерактивный диалог исследователей и исследуемых, синтез фундаментальных и прикладных изысканий, изучение не столько вчерашних традиций, сколько сегодняшнего этнокультурного потенциала, применение новейших средств визуализации и цифровизации, развитие киберэтнографии» (А. В. Головнев). В более широком дисциплинарном контексте речь может идти и о «новой исторической культуре», обращенной не в прошлое, а в будущее, и которая не существует без человека (В.А. Тишков).

Отдельного внимания заслуживает комплексность методов, применяемых в диссертационном исследовании в соответствии с направленностью на решение конкретных задач. Этот принцип методологического выбора определен диссертантом как «мультиметодологичность». Очень удачным представляется в этой связи сделанное автором вслед за А. В. Головневым образное сравнение исследователя с врачом, диагностирующим пациента, и «тот, кто во всех случаях применяет один метод, похож на доктора, прописывающего от всех болезней одну микстуру» (с. 7).

Весь спектр использованных в работе методов подчинен, вместе с тем, общенаучным принципам историзма и системности, позволившим диссертанту рассмотреть этнологическую экспертизу: (1) как процесс – «от исто-

ков» до ее современного состояния; (2) как сложную, но единую систему, состоящую из крупных компонентов-подсистем, с их составляющими (с. 7).

Важно отметить, что решение поставленных в диссертации задач предполагает не только использование апробированных в исторических исследованиях, этнологии и социальной антропологии методов, но и возможность их развития, включая разработку и уточнение понятий и совершенствование инструмента анализа. Весьма продуктивным представляется также использование приема построения материала «от общего к частному», что позволило автору расширить тематические рамки работы, как во временном диапазоне, так и в географическом, сделать исследование более репрезентативным по охвату источников и исследовательских кейсов.

Исследование опирается на **репрезентативное сочетание комплекса источников**, позволяющее адекватно раскрыть тему и решить поставленные задачи. Базовым источником в подготовке диссертационного сочинения стали материалы восьми опубликованных этнологических экспертиз 2002–2021 гг. В первой главе проанализированы докладные записки 1950–1990-х гг., изданные в пяти выпусках серии «Этнологическая экспертиза: Народы Севера России». В дополнение к основному корпусу источников привлечены данные частично опубликованных экспертных работ, неструктурированные интервью с экспертами, отчеты о научно-исследовательской работе, научно-проектная документация для обоснования достопримечательных мест и пр.

Важную роль в построении текста играет собственный полевой опыт диссертанта, приобретенный в основном во время экспертной работы на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Это материалы, полученные в процессе проведения историко-культурных экспертиз (р. Аган, 2019 г.), оценок историко-культурных ресурсов территорий (р. Аган, 2015 г., р. Большой Юган, 2017–2018 гг.), участия в общественных слушаниях (с. Варьеган, 2016 г.) и «рабочих» собраниях (п. Угут, 2017–2018; г. Ханты-Мансийск, 2018 г.) и пр.

Полевые исследования были дополнены приемами киберэтнографии, которые включили: общение с ключевыми информантами посредством интернет-коммуникаций, контент-анализ сетевого дискурса по вопросам диссертации, проведение интернет-анкетирования. Привлечена также научная литература широкого спектра, законодательные и нормативные акты, данные периодической печати, интернет-ресурсы.

Географические и хронологические рамки работы. «Методическим полигоном» по отработке *правил этноэкспертизы* вполне обоснованно выбраны регионы Российского Севера, Сибири и Дальнего Востока, поскольку этнологические экспертизы проводились (и проводятся) в основном в отношении коренных малочисленных народов и связаны с активным освоением природных ресурсов северо-сибирских регионов. Этот выбор обусловлен и тем, что в отечественном законодательстве к настоящему времени определение этнологической экспертизы содержится только в законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.) и звучит как «научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» (с. 53).

Исследование сфокусировано главным образом на опытах этнологической экспертизы постсоветского периода (1990-е гг. — настоящее время), что также вполне оправданно. Именно в этот период идеи управления этнокультурным развитием при непосредственном или косвенном участии этнологов стали постепенно пробивать себе дорогу, концентрируясь изначально на вопросах контроля над территориями и ресурсами для коренных малочисленных народов Севера. Специфика этой эпохи обусловлена также этнической мобилизацией народов Севера и актуализацией их этнокультурного наследия, а в этнологии – поиском адекватных форм сочетания фундаментальных и прикладных исследований, формированием разнообразных подходов и концепций проведения этнологических экспертиз. В ряде случаев в диссертации допускается выход за обозначенный хронологический рубеж, что помогает представить объект исследования в более широком хронологическом диапазоне.

Стоит подчеркнуть, что диссертационное исследование Е. А. Даниловой отмечено печатью **новизны**. В отечественной этнологической мысли феномен этнологической экспертизы находится пока на начальной стадии научного осмысления. Комплексно эта проблема не рассматривалась, хотя, конечно, поднималась и исследовалась во многих работах, подробно рассмотренных в историографическом разделе диссертации. Научная новизна диссертации состоит также в многоплановом ракурсе авторского взгляда на объект исследования и обновлении исследовательских стратегий. Впервые систематизированы опыты, методы и технологии этнологической экспертизы

постсоветской эпохи. Разработан ее сводный алгоритм в целях ее дальнейшего использования и совершенствования.

В соответствии с исследовательской логикой (теория – аналитика – практика) построена **структура сочинения**, которая содержит взаимосвязанные и взаимодополняющие главы, разбитые на параграфы. Структура диссертации имеет оглавление, введение, заключение, список сокращений, источников и литературы.

Первая глава (теоретическая) ставит целью рассмотреть историю отечественных этноэкспертиз «от ситуативного востребования до формирования современных концепций и подходов». Накопленный в этой области опыт систематизирован в различные методологические подходы с характерными им принципиальными особенностями. Отдельным разделом представлена зарубежная экспертная практика оценки социального воздействия (Social Impact Assessment, SIA). В социально-историческом контексте рассмотрен опыт Якутии как единственного региона, где процедура этноэкспертизы регулируется соответствующим нормативным документом.

Вторая глава (аналитическая) посвящена критическому анализу конкретных исследовательских стратегий, проведенных в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока этноэкспертиз. Подробно охарактеризованы их принципиальные особенности, представлен сопоставимый зарубежный экспертный опыт в контексте оценки социального воздействия. Выбранные для анализа этноэкспертизы представлены как исследовательские процессы от замысла до реализации. При этом основной акцент сделан на действующих лицах и заинтересованных сторонах, источниках, методах, диагностике и рекомендациях. В качестве вывода предложена оригинальная «навигационная схема» экспертизы.

Третья глава (практическая) содержит обобщение персонального исследовательского опыта автора при проведении экспертиз конфликтных ситуаций в сфере этнокультурного наследия (по материалам ХМАО—Югры). В ней нашел место полевой этнографический материал Е. Н. Даниловой. Глава насыщена деталями, наблюдениями и размышлениями. В заключительном параграфе главы показана роль эксперта как ключевой фигуры, определяющей содержание и качество экспертизы в соответствии с его профессиональными компетенциями и этическими ориентирами.

Выводы по главам, сформулированные на основе анализа представленного материала, адекватно обоснованы и содержат определенный эвристический потенциал.

Замечания и предложения:

(1) В первой главе представлен глубокий и содержательный анализ советских «докладных записок». В составленных автором таблицах и диаграммах приводятся наглядные сведения об их количестве, распределении по народам и регионам и пр. Однако без специального уточнения (именно в главе, а не только во введении), что это выборочный анализ, который строится на пяти выпусках сборника «Этнологическая экспертиза», общая картина состояния советской этнологической (этнографической) экспертизы будет не точна. К сожалению, эти сборники включили далеко не все вышедшие из-под пера советских этнографов документы подобного рода, а только те, что отложились в Научном архиве ИЭА РАН. Для получения полной картины можно бы привлечь еще документы из Архива РАН, а также сборники «Полевых исследований ИЭА РАН».

(2) В своем исследовании автор совершенно справедливо замечает, что фигура эксперта, в данном случае этнографа, является ключевой, поскольку качество экспертизы в значительной степени определяется его профессионализмом, готовностью к быстрому реагированию, взвешенностью и стойкостью в вопросах этики (с. 31). Во второй главе Елена Николаевна очень подробно анализирует «сценарии» восьми этноэкспертиз, при этом их «режиссеры» остаются по большей части в тени. Хотелось бы побольше видеть в этой части исследования «крупных планов» (опять же, по А. В. Головневу). Это же относится и к первой главе. Персональные портреты (для советского периода, например, следовало бы особо отметить заслуги Бориса Осиповича Долгих как «зачинателя» многих традиций прикладной этнографии) помогли бы оттенить особенности статуса эксперта в разных общественно-политических условиях и сделали бы проведенный анализ еще более тонким и нюансированным.

(3) Во введении диссертант(ка) подробно останавливается на злободневной проблеме неоднозначного подхода к понятию «этнологическая экспертиза». Это, в свою очередь, порождает «путаницу» в научном дискурсе, поскольку дает возможность понимать под ЭЭ неопределенное количество разнообразных прикладных работ. В видении самого автора *этнологическая экспертиза* — «это научная оценка состояния этнической общности и пред-

полагаемых последствий воздействия на нее внешних факторов, данная в результате специального исследования по административному или общественному запросу» (с. 13–14). Собственно, это тоже расширительное толкование этнологической экспертизы. Под такое определение подходит огромное множество прикладных работ (достаточно посмотреть раздел «прикладные исследования», выполненные «по запросу», в отчетах ИЭА РАН). Возможно, если бы автор ввела в диссертацию «широкое» и «узкое» понимание этнологической экспертизы (во втором случае это законодательное определение ЭЭ), такой исследовательский прием помог бы снять ряд вопросов.

(4) В настоящее время этнологическая экспертиза у нас в стране может осуществляться в трёх вариантах: (а) как самостоятельное исследование; (б) в рамках экологической экспертизы; (в) в рамках историко-культурной экспертизы. Ключевая проблема – в совместимости подходов объектно-субъектной сферы. Даже в отношении историко-культурных объектов задачи экспертизы у этнографов отличаются от археологических, так как они не ограничиваются сохранением и/или изучением зафиксированных памятников, а имеют дело с живыми людьми. Хотелось бы увидеть в этой работе более развернутое и аргументированное авторское видение соотношения разных видов экспертиз и возможности их «синтеза» без ущерба для этнологии.

Приведенные выше соображения и замечания носят исключительно рекомендательный характер, что, безусловно, не умаляет основных достоинств работы.

Подводя общий итог необходимо заключить, что работа Даниловой Елены Николаевны «Этнологическая экспертиза в теории и практике современной российской науки» является самостоятельным законченным научным исследованием на актуальную и практически значимую тему. Выдвинутые и рассмотренные в ней положения аргументированы и обоснованы. Поставленные задачи решены, а новые научные результаты имеют существенное значение для российской этнологии.

Результаты исследования отвечают критериям достоверности, предъявляемым к подобного рода работам. Этот вывод обусловлен анализом примененных соискателем научных методов и подходов, а также полученных на их основе результатов. Основные положения диссертации были представлены автором в серии докладов на международных и всероссийских конференциях и форумах. Материалы и результаты исследований нашли отражение в 14

научных публикациях, в том числе в одной коллективной монографии и 6 статьях в журналах списка ВАК и SCOPUS.

Научно-практическая апробация выполнена также в ходе исследовательских работ по историко-культурному обследованию территорий (2006, 2007, 2012), обследованию культовых объектов (2007), разработке научно-проектной документации для обоснования достопримечательных мест (2015, 2018), государственной историко-культурной экспертизе (2019), консультированию при проведении экспертно-аналитических исследований (2020).

Содержание диссертации полно и отчетливо представлено в автореферате.

Диссертационная работа Даниловой Елены Николаевны «Этнологическая экспертиза в теории и практике современной российской науки» отвечает квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, она соответствует пп. 9-11 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 1 октября 2018 г.), а ее автор Данилова Елена Николаевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4 — Этнология, антропология и этнография.

Официальный оппонент:

Пивнева Елена Анатольевна
ведущий научный сотрудник, зав. отделом Севера и Сибири
Института этнологии и антропологии Российской академии наук
кандидат исторических наук

06.12.2022

Адрес: 119 991 Москва, Ленинский пр-т, д. 32А
Телефон: +7(910)4631914
E-mail: pivnel@mail.ru

Подлинность подписи
Пивневой Е.А. достоверно
Начальник О/К
06 декабря 2022г.

М.В. Самарина